

ТВОРЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО-ГУМАНИТАРИЯ ГЕОРГИЯ ГАЧЕВА

Чулкина Нина Леонидовна

доктор филологических наук, профессор
кафедры общего и русского языкознания филологического факультета
Российского университета дружбы народов
119498 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-2
nina.chulkina@yandex.ru

Статья посвящена реконструкции *творческой языковой личности* выдающегося русского философа, литературоведа, культуролога Георгия Дмитриевича Гачева. В качестве опорных понятий при изучении и описании творческой «лаборатории» ученого-гуманитария выступают понятия *идиолект* и *идиостиль*. Материальное выражение этих категорий представлено на всех уровнях структуры языковой личности Георгия Гачева: вербально-семантическом, лингво-когнитивном и мотивационно-прагматическом. Особое внимание уделяется *методологии* гуманитарных исследований автора «Философии быта как Бытия» – *философии «наивности», «привлеченному мышлению», «диалогу Воображения с Мышлением».*

Изучение идиолекта и идиостиля творческой языковой личности Георгия Гачева позволило вскрыть «механизмы» креативности ученого-художника слова, а также того эстетического потенциала системы русского языка, который открывает неограниченные возможности для создания глубоких по смыслу и нетривиальных по форме научных текстов, зачастую квалифицируемых научным сообществом как девиантные, нарушающие строгие стилистические нормы научного стиля.

Автор статьи предлагает детальный анализ текстов Георгия Гачева, который призван опровергнуть подобные утверждения его оппонентов.

Ключевые слова: языковая личность, идиолект, идиостиль, норма, девиация, «привлеченное мышление», «диалог Воображения с Мышлением», «наивная» философия

Введение

Два ученых-гуманитария, с которыми мне повезло встретиться в жизни, вдохновили меня на выбор темы статьи: мой Учитель – Юрий Николаевич Караулов, 85-летие которого мы отмечаем в этом году, и Георгий Дмитриевич Гачев, виртуальные встречи с которым через его научно-художественные произведения открыли для меня «возможный мир» науки как искусства. Мне кажется, что сегодня подобные образцы научного творчества становятся исчезающим раритетом под давлением заформализованных «требований» к написанию научных статей и монографий. В результате возникло такое явление, как «смерть автора», с его особым стилем и взглядом на мир, на те явления, которые он изучает и описывает в своих научных трудах. Многие наши статьи выглядят, как «сошедшие с конвейера» унифицированные «изделия». В подобной ситуации в гуманитарной науке обращение к личностям и научному наследию таких выдающихся ученых, как Юрий Николаевич Караулов и Георгий Дмитриевич Гачев, представляется весьма актуальным, и я бы даже сказала «спасительным».

Что касается соединения в моем сознании и в предлагаемой статье этих двух, во многом непохожих друг на друга ученых, то основанием для такого сближения является тот факт, что каждый из них по-своему оказал влияние на мой научный интерес к повседневности как объекту исследования в рамках (психо-)лингвокультурологии (в терминологии В.В. Красных). Юрий Николаевич Караулов помог мне определить направление работы над докторской диссертацией – повседневность, ее лингвокультурологическое описание, с опорой на материал, который тогда только что был создан и признан коррелятом русского обыденного языкового сознания – «Русский ассоциативный словарь» (2002 г.). Моя диссертация «Концептосфера русской повседневности как объект лингвокультурологии и лексикографии» была защищена в 2005 году, но интерес к этой научной области не только «не угас», но, напротив, углубился, «подогреваемый» новыми междисциплинарными направлениями исследований, получившими сегодня распространение в отечественной гуманитарной науке. Так, например, в этом году вышла книга Георгия Гачева «Философия быта как Бытия» = настоящий Гимн повседневности:

«О, благая, милая ПОВСЕДНЕВНОСТЬ! Высокомерятся над нею больно духовные умники и святоши. А она исполнена кроткого и смиренного смысла: божественно упорядочена традицией и обычаем – и ты вставай и блюди – совершай ее как «литургию» = именно: «народное делание», выработанное за историю и жизни многих предков, и сколько вложено в нем ума = и духа!» [Гачев 2001: 568].

Итак, наш общий с Георгием Гачевым объект исследования – русская повседневность. Но если у Георгия Дмитриевича – ИНТРОспекция, «жизнемысли», «привлеченное мышление» – основной метод реконструкции и философской интерпретации быта/повседневности *творческой* языковой личностью, «сопрягающей Мысль и Воображение», то в нашем исследовании – тоже реконструкция повседневности, но только методом «ИНспекции» ЧУЖОГО *обыденного* лингвокультурного сознания *усредненной* русской языковой личности. При этом коррелятом языкового сознания признается ассоциативно-вербальная сеть, смоделированная с помощью свободного ассоциативного эксперимента – психолингвистического метода.

У Г.Д. Гачева – фиксация «потока сознания», выхватывающего сюжеты обыденной жизни непосредственно по ходу проживания этой жизни, и их философское «истолкование». У нас – *реконструкция* по ассоциативным полям – сумме ассоциаций на заданные слова-стимулы, в семантике которых содержатся компоненты, связанные с повседневностью/бытом, их дальнейшее изучение и лингвокультурологическое описание.

Собственно эти положения стали предметом нашего единственного случайного личного разговора с Георгием Дмитриевичем в библиотеке ИНИОН, где я работала над докторской диссертацией, а он над своими «Жизнемыслями». Обозначив наши интересы, мы разошлись – «каждый в свою сторону», пожелав друг другу творческих успехов.

И вот в это лето – новая, уже виртуальная, встреча с Георгием Дмитриевичем Гачевым через его замечательную книгу «Философия быта как Бытия», давшую мне новый импульс для продолжения исследования русской повседневности как «локуса» народной мудрости, здравого смысла и множества «рецептов» решения обиходных проблем, а также отражения этого слоя знаний о мире в лингвокультурном сознании русских. Мое обращение к книге Георгия Гачева сначала было продиктовано именно намерением написать новую статью о повседневности в языковом сознании русских. Но окунув-

пись в мир гачевского «диалога Мышления с Воображением» – «Жизнемыслей», я уже не могла отвлечься на свои изыскания, – и мне захотелось исследовать и описать эту уникальную творческую языковую личность. Думаю, что такое «переключение» очень хорошо вписывается в тематику настоящего номера журнала, посвященного юбилею Юрия Николаевича Караулова – автора общей теории языковой личности, руководителя научной школы «Русская языковая личность», ответственного редактора «Словаря языка Достоевского: Идиоглоссария» – словаря творческой языковой личности.

Основные понятия и термины

Приступая к реконструкции и описанию творческой языковой личности ученого, необходимо провести обзор некоторых понятий и терминов, которые довольно прочно вошли в научный обиход, однако не всегда и не всеми исследователями используются корректно.

Итак, объектом исследования в представляемой работе является творческая *языковая личность ученого-гуманитария*. И в этом составном термине значимым оказывается каждый из компонентов, так как именно спецификация языковой личности предопределяет как материал, так и методы исследования. Хотя, разумеется, базовым является здесь термин *языковая личность*, возникший в отечественной лингвистике довольно давно, но наиболее фундаментально представленный в работах Ю.Н. Караулова и, прежде всего, в монографии «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987]. Общеизвестно, что именно после появления этой книги в российском языкознании стала утверждаться новая научная парадигма – «антропоцентрическая», «запрос» на которую был подготовлен всей логикой и практикой развития науки о языке. Дальнейшее развитие этой области знаний о «человеке говорящем» пошло по разным направлениям и породило множество параллельных понятий и терминов – «*речевая личность*», «*речевой портрет*», «*коммуникативная личность*». Разумеется, каждое из этих терминологических обозначений имеет право на существование, и их использование опять же зависит от задач конкретных исследований. Важно, чтобы в этих изысканиях корректно «сходились»: ипостась исследуемого языка-объекта (*язык-система, язык-текст, язык-способность*), анализируемый материал и методы исследования.

В нашем случае объектом реконструкции и описания, как уже было отмечено, является *творческая языковая личность*. Еще одна спецификация заключается в том, что исследуется творческая языковая личность *ученого*; и, наконец, следует подчеркнуть, что для нас особый интерес представляет именно творческая языковая личность *ученого-гуманитария*.

Важными для нашего исследования являются и термины, обозначающие определенные структурные уровни любой языковой личности, уже ставшие хрестоматийными: *вербально-семантический, лингво-когнитивный и мотивационно-прагматический уровни* предложенной Ю.Н. Карауловым модели языковой личности [Караулов 1987]. Обратимся к первоисточнику и еще раз вспомним содержательное наполнение этих терминов:

«Полное описание языковой личности в целях ее анализа или синтеза предполагает:

а) характеристику *семантико-строевого уровня ее организации* (т.е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемое на фоне усредненного представления данного языкового строя);

б) реконструкцию *языковой модели мира*, или *тезауруса* данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования);

в) выявление ее *жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов*, входящих отражение в процессах порождения текстов и в их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов» [Караулов 1987: 34–35].

Данные понятия являются теми «опорами», на основе которых проводится реконструкция языковой личности ученого-гуманитария Георгия Гачева. И к ним мы будем обращаться на протяжении всей статьи.

Термины *идиолект* и *идиостиль* также нуждаются в уточнении, так как именно они характеризуют своеобразие и уникальность научных текстов Георгия Гачева. Нельзя сказать, что в лингвистической литературе существует единомыслие в определении этих схожих, но не синонимичных понятий. Обратимся к их определению, представленному в [СЭС 2006]: «Индивидуальный стиль речи выдвигает на передний план интеллект личности. Но интеллектуальные свойства человека отчетливо проявляются не на всяком уровне использования языка, в частности, на уровне структурно-языковом, отражающем степень владения обыденным языком, а лишь на сложных уровнях организации языковой личности – лингвокогнитивном и мотивационном [Караулов 1987]. Соотношение именно со сложными уровнями может стать основанием для дифференциации близких, но не тождественных понятий «идиостиль» и «идиолект». Если **идиолект** представляет собой совокупность собственно структурно-языковых особенностей (стабильных характеристик), имеющих место в речи отдельного носителя языка, то **идиостиль** – это совокупность именно речетекстовых характеристик отдельной языковой личности (индивидуальности писателя, ученого, конкретного говорящего человека), тем не менее, формирующихся под воздействием всей экстралингвистической основы – как функционально-стилевой, жанрово-стилевой, так и индивидуально-стилевой.

<...> В широком смысле познавательная деятельность всегда является аналитико-синтезирующей деятельностью. Вместе с тем при неразрывной связи обеих сторон познавательного процесса различаются два основных стиля мышления, а именно: дискретно-логический и континуально-психологический, которые и определяют специфику научного изложения. Так, преобладающий дискретно-логический стиль мышления обуславливает такую характеристику стиля речи, как подчеркнутая логичность, специально выраженная в речевой ткани функционально ориентированными языковыми единицами, а также их комплексами. <...> Напротив, континуально-психологический стиль мышления характеризуется логической нечеткостью определений (описаний) терминированных понятий, диффузным представлением их отношений («пушистые множества»), метафоризацией, распыленностью объяснения понятий и вплетенностью их в непрерывный поток речи».

В самом общем виде (в процессе дальнейшего анализа мы в этом убедимся), можно констатировать, что Георгию Дмитриевичу Гачеву как ученому-гуманитарии свойственен преимущественно *континуально-психологический стиль мышления*. Однако не все характеристики, названные в приведенном энциклопедическом тексте, кажутся нам приложимыми к идиостилю Г.Д. Гачева.

Еще один момент касается функциональной сферы творчества Г.Д. Гачева. Решение задачи реконструкции и описания языковой личности *ученого* представляется возможным только в рамках *научной* коммуникации. Следует сказать, что в методологии этой

области в последние годы происходят значимые изменения. Наиболее полно новые тенденции в исследовании стилистики научных текстов представлены в монографии В.Е. Чернявской [Чернявская 2014]. Приведем здесь некоторые наиболее важные для нашего исследования положения этой монографии:

- обсуждение оппозиции «нормативное-девиантное» проводится в рамках новых современных направлений в языкознании – стилистики текста и, шире, – стилистики научного дискурса. Такой подход делает анализ привычного понятия нормы и ее нарушения более глубоким и фундаментальным, так как с необходимостью включает в себя, помимо чисто языковых факторов, множество экстралингвистических – особенности коммуникативной ситуации, целей и задач, которые решает автор научного текста, наконец, его личностные характеристики. Как отмечает В.Е. Чернявская: «принципиально важен вопрос – о мере субъективного начала в интерсубъективном по сути научном творчестве;

- диалогичность – это еще один существенный признак, определяющий качественное своеобразие гуманитарного знания;

- гуманитарное познание имеет не просто сложную, но и парадоксально сложную структуру и не является линейным в своем развитии. Так, оно синтезирует в себе рационально-познавательный дискурсивный, логически понятийный и непосредственно-личный (иррациональный, художественно-интуитивный) типы познания. <...> *Гуманитарий объединяет в себе ученого и художника*» (курсив мой – Н.Ч.) [Чернявская 2014: 39–42].

Последнее замечание особенно важно для нашего исследования *творческой языковой личности ученого-гуманитария* Георгия Гачева.

И здесь я хочу повторить высказывание Ю.М. Лотмана, приведенное в рассматриваемой монографии В.Е. Чернявской в качестве эпиграфа и очень точно отражающее мое представление о роли нестандартного, отклоняющегося от общепринятых норм, научного текста, созданного творческой языковой личностью ученого-гуманитария:

«Для того, чтобы нечто жило, нужен резерв неправильностей, отклонений» [Цит. по: Чернявская 2014: 10].

Перейдем теперь к основной части нашего исследования, обратившись непосредственно к научным текстам самого Георгия Дмитриевича Гачева, и попробуем воссоздать творческую языковую личность этого неординарного ученого.

«Наивная» философия как среда «привлеченного мышления» и «Сопряжения Мысли с Воображением» в научных текстах Георгия Гачева

Для того чтобы понять и принять своеобразный идиостиль текстов Георгия Гачева, необходимо хотя бы в самых общих чертах воссоздать философию восприятия мира и творческого существования в нем, которую исповедовал этот ученый. Сам себя он иронично называл так: «...я ж как раз доморощенный «хвилософ», наивный» [Гачев 2001: 29]. Вырванная из контекста жизни и творчества ученого, фраза эта выглядит даже нелепо. Однако проникновение в важнейшие постулаты философии «наивности», которую он принимал и в недрах которой разрабатывал свои методы исследования самых различных областей – от литературы, искусства до повседневности, позволяет оценить глубину и истинно гуманистическую основу этой философии. Есть статья Георгия Дмитриевича Гачева, в которой он определяет миссию «наивного», то есть естественного, искреннего, простодушного, доверчивого человека:

«...способность **удивляться** тому, к чему все социально воспитанные и учено-образованные привыкли и не находят в сем «ничего особенного». А **УДИВЛЕНИЕ**, по Аристотелю, – начало познания. И в самом деле: остановиться, задуматься над тем, что вроде так понятно и привычно и общепринято, и вдруг увидеть в этом – вопрос, проблему. Так, Кант про себя говорил: «Там, где другие проходят равно, для меня возникают Альпы проблем». Так и Гоголь: какая сила вдохновения нужна и воображения, чтобы **взвидеть** то, «что ежеминутно перед очами и чего не зрят равнодушные очи... [выделено полужирным курсивом здесь и далее мной – Н.Ч.]. Эту операцию Виктор Шкловский назвал «ОСТРАННЕНИЕ» – то есть увидеть странным обычное.

<...> Ну да: **У-ДИВ-ление** – это **взвидеть ДИВО, ДИЯ, ДЕОС= Бога, Дивное, Божественное. ЧУдное и чудное. И видящий такое – ЧудАк, ну или «чУдик», как герои Шукшина, тоже наивные – «дьярЕвня!» в городе среди цивилизованных – роботов-автоматов, так завоспитанных и образованных, что утратили корни в природе и естественный свет разума...**

И в философии – в основе каждого построения лежит некое первичное **взвидение**, озарение, из коего строится затем философский миф, своя Вселенная, и населяется своими затем категориями» [Гачев 2001: 31–32].

Думаю, что даже этот небольшой фрагмент позволяет контурно обозначить философский фундамент, на котором зиждется научное творчество Г.Д. Гачева. Подобные взгляды обнаруживаются буквально в каждом тексте ученого, в чем мы еще не раз убедимся, обратившись непосредственно к анализу его научных работ, «препарируя» их с целью воссоздания всех составляющих идиолекта и идиостиля их автора.

Идиолект и идиостиль Георгия Гачева: лаборатория языкотворчества

Во **введении** были названы три уровня структуры любой языковой личности, обозначенные Ю.Н. Карауловым: вербально-семантический, лингво-когнитивный и мотивационно-прагматический. Будем ориентироваться на эти конструкты при описании творческой языковой личности Георгия Гачева. В качестве материала исследования обратимся к книге, о которой также упоминалось во введении, – «Философия быта как Бытия», представим анализ некоторых, наиболее характерных для идиостиля ученого фрагментов и распределим составляющие его языковые единицы по уровням структуры языковой личности.

Таблица №1

Компоненты идиостиля Георгия Гачева по уровням структуры языковой личности (образец анализа)

Вербально-семантический уровень	
Единицы текста	Лингво-когнитивный комментарий
<i>Вещи – вещи (=знаючи)</i>	Омонимия + высокий стиль
<i>Взвидим, взвидеть</i>	ВЗ- префикс – высокий стиль, неологизм (в отличие от У- видеть)

Тогда <i>проживаем жизнь внимательно и торжественно, не бежим, а шествуем,</i>	Словосочетание-неологизм: антонимическая пара (обыд + высокое – стиль)
<i>крупнеем в самочувствии</i>	Словосочетание-неологизм-метафора + высокий стиль
<i>чувствовать умно и крупно</i>	словосочетание-неологизм
<i>привычности ← привычный</i>	Словообразование (суф. -ОСТЬ) + мн. число – неологизм
<i>раскупоривать их (предметов обихода) торжественность</i>	Словосочетание-неологизм – Сочетание разностилевых слов: <u>раскупоривать бутылку</u> – обыд. <u>Раскупоривать торжественность</u> – высок.
охота на <u>первоудивления</u>	Сложное слово-неологизм; словосочетание-метафора
<u>жизнемысли</u> ← живу-мыслю-пишу	Неологизм – составное существительное
Лингво-когнитивный уровень	
<i>Мысль включает в себя элемент самоиронии и имеет право быть неоднозначной.</i>	Генерализованное высказывание
<i>Быть господином самому себе, своим страстям и помышлениям – о, это и благо, и достойная задача человеку!</i>	Генерализованное высказывание
<i>Мышление в своем становлении от налипаний и полипов воображения очищалось непрерывно, как от волн, с толку сбивающих, хотя именно воображение поставляет пищу умна соображение и работу</i>	Профессиональные знания
<i>...оба они (воображение и мышление) – в упряжке одной понимания бытия, но меж ними – разделение труда. И то одно, то другое ведет, как коренник или пристяжная, – в разных деятельности духовных. Например, в искусстве воображение – коренник, мышление – пристяжная, а в науке – наоборот</i>	Профессиональные знания

Мотивационно-прагматический уровень	
<i>разум восхищенный</i>	Трансформированный прецедентный текст – самооценка
<i>книга сия – собрание ума горячих размышлений и сердца радостных замет – за четверть почти века.</i>	Трансформированный прецедентный текст – самооценка своего труд
<i>Дымка образа, аура вымысла – это художественный гранит, оказывается</i>	Контекстные антонимы; Метафора – оценка (образного мышления)
<i>Проживать жизнь торжественн</i>	Словосочетание-неологизм, метафора- оценка, высокий стиль
<i>Стремление мое – помочь-научить чувствовать умно и крупно все обыденные мелочи и привычность</i>	Мотивация, оценка, высокий стиль
<i>Мой азарт – добывать первичные опыты, охота на первоудивлени</i>	Целеполагание, мотиваци
<i>Ну что ты лезешь со смертным срочным своим умишком постигать необъятность Бытия и бездну его смысла?</i>	Риторический философский вопрос-оценка- ирония, построенные на антитезе
<i>Где тут задуматься над смыслом Жизни, впериться в Абсолют, искать Истину, изумиться перед Красотой?</i>	Риторический вопрос-ирония

Разумеется, в небольшой таблице представлены лишь некоторые образцы анализа элементов идиолекта и идиостиля Георгия Гачева по уровням структуры языковой личности. Продолжим эту работу в форме линейного текста.

Основному тексту книги предшествуют два предваряющих –
Вступление и Пролог Ведущего.

Прежде всего, выделим те отрывки текста Вступления, в которых автор обозначает объект своего исследования и те цели и задачи, которые он собирается решать по ходу написания дневника, названного им «Десять и одно утро – в Мышлении с Воображением. Исповесь о творчестве».

«Эстетическое осмысление повседневности – вот задача книги, в которую ты сейчас вступаешь, читатель, над этим будем совместно работать-думать.

<...> В предлежащей перед тобой книге, читатель, мы станем бродить по лесу предметов = зачарованному царству смыслов – и расколдовывать их; я же буду поводырь в сем путешествии.

Итак, подвинуть навстречу друг другу обиход (безумную чувственность бытового существования), труд (пластическое мышление рабочего и художника в материале) и мысль (отвлеченное мышление в слове) – вот сверхзадача книги.

<...> Так вот: затормозимся! Придем – в себя и в затишье оглянемся и **взвидим!..** И что же? Многое в нас и вокруг нас – дивно и священо, и осмысленно явится: как откровение и озарение, **надо только ВЗВИДЕТЬ.** Как сказано: имея очи – видеть, имея уши – слышать, имея ум – разуместь, понимать!

Вот этому помочь и нацелена сия книга: прочистить зрение и слух, а ум направить на обыденные вещи и ситуации вокруг – и прозреть в них глубинный смысл. Тогда каждый миг бытия предстанет не как проходной в скачке и спешке живота, но как желанное Фаустово МГНОВЕНИЕ, когда мы молим его: «Продлись! Постой!» – и миг совпадает с Вечностью, а наше условное обнаруживает отблеск Безусловного.

<...> Итак, **стремление мое – помочь-научить чувствовать умно и крупно все обыденные, кажется, мелочи и привычности: раскупорить их торжественность и многосмысленность.** При этом я никого не буду учить, а просто поведаю, как учили меня этому опыты жизни и произведения искусства, размышления над всем...

<...> Художественные рассуждения, большие и малые эссе, из которых строится книга, написаны мною хотя и в разное время, но **скреплены единой установкой зрения: брать состояние живьем, а мысль *in statu nascendi* («в момент рождения» - лат.), в коротком замыкании со своим предметом.** Тогда они еще остры, достоверны, не отполировались. **Мой азарт – добывать первичные опыты, охота на первоудивления.** Привыкший к нормализованности взгляд автоматически реагирует на такое брезгливо: «это сырое!». На это ответим: кому что по вкусу. Один любит бифтекс пережаренным, а мы – так с кровью.

Итак, перефразируя стих поэта, книга сия – собранье ума **горячих размышлений и сердца радостных замет...**» [Гачев 2001: 22–23].

Поскольку языковая личность, идиостиль слагаются на высших уровнях ее структуры – когнитивном и мотивационном, мы начнем нашу реконструкцию именно с них. В приведенном выше отрывке Георгий Гачев отчетливо формулирует свою исследовательскую задачу и метод ее решения.

Налицо диалогичность повествования и приглашение читателя к интеллектуальному и «умно-чувственному» сотрудничеству. Но также и неприятие тех «цивилизованных и завоспитанных» «роботов-автоматов», которые утратили способность к непосредственному восприятию жизни.

Общая тональность и настрой приведенного отрывка – торжественное открытие в привычных мелочах повседневности глубинного смысла – **«эстетическое осмысление повседневности».**

А **«ЭСТЕТИЧЕСКОЕ – ЭТО УМНАЯ ЧУВСТВЕННОСТЬ, ощущаемость жизни и каждого мига, и акта, и места существования нашего – как со-мысла»** (потому что есть еще и **«БЕЗДУМНАЯ ЧУВСТВЕННОСТЬ бытового существования»**) [Гачев 2019: 21].

Такой высокий накал Вступления поддерживается на вербально-семантическом уровне целым арсеналом выразительных средств:

- многочисленными метафорами (**бродить по лесу предметов = зачарованному царству смыслов – и расколдовывать их; подвинуть навстречу друг другу обиход (бездумную чувственность бытового существования), труд (пластическое мышление рабочего и художника в материале) и мысль (отвлеченное мышление в слове), брать состояние живьем, а мысль *in statu nascendi* («в момент рождения» - лат.), в коротком замыкании со своим предметом; в скачке и в спешке живота** [Там же];

- устаревшими словами, используемыми в современном русском языке только в высококом стиле (*в подлежащей перед тобой книге; в сем путешествии; книга сея: очи, разуметь*).

- Отдельно отметим прецедентные имена, входящие в «референтную группу» автора текста: *Аристотель, Гегель, Гоголь, Шукшин, Виктор Шкловский*:

- и трансформированные прецедентные тексты: *Фаустово МГНОВЕНИЕ, когда мы молим его «Продлись! Постой!»; «Перефразируя стих поэта, книга сея – собрание ума горячих размышлений и сердца радостных замет»* [Гачев 2019: 21–23].

Невозможно не остановиться хотя бы фрагментарно на Прологе ведущего, так как в нем ярко представлена еще одна грань творческой языковой личности Георгия Гачева – способность к использованию приема карнавализации в научном дискурсе – недаром это вступление названо Прологом. И «зачин» вполне театральный:

«...позвольте обратиться к почтеннейшей публике и два слова сказать в жанре пролога. Итак, предстоит нам спектакль мышления, трагикокомическое представление, зрелище-ридалище: и гладиаторские бои ума с предметом, и буффонада веселой диалектики.

<...> Мысль включает в себя элемент самоиронии и имеет право быть неоднозначной, как и образ. Все предстоящие к чтению рассуждения – и художественные. То есть автор равно пользуется как рассудочной логикой, так и художественным образом и дедукцией воображения. И все утверждения вопросительны: как таковые надо их читать-воспринимать. Ведь я же не знаю, что такое Бытие и Истина, и Эстетика, и Искусство, а лишь дознаюсь до их сущей, вопрошаю: что они есть? И как раз самые главные наши идеи: Жизнь, Истина, Любовь... высказываемы лишь как проблемы, то есть вопросы: Что есть Истина? Что есть Смысл жизни? – но не как определения и понятия (тем более, однозначные). <...> Так что по содержанию вся книга – вопрошение, а по форме – утверждение, даже дерзкое, временами – восклицание!

Уф! Дай дух переведу. Зафилософствовался напоследок зачина... Ладно... Занавес!» [Гачев 2019: 24–25].

Однако представленный нами Пролог ведущего Георгию Дмитриевичу через 13 лет пришлось переписать. И не потому, что он «изменил» своей манере научного письма, а потому что изменились времена и ситуация в стране. Вот как пишет об этом Г.Д. Гачев в 2000 году (!):

«В моде и охоте стали обличения, скандалы, «компромат»... Где тут задуматься над смыслом жизни, впериться в Абсолют, искать Истину, изумиться перед Красотой?.. Эти понятия стали предметом поношения в постмодернистской все-игре и похотывании. И вот уже второе десятилетие безудержно карнавалют, поют и пляшут наши стрекозы и стрекозлы, разрушая созиженное кропотливым муравьем-работягой в наивном «здоровом смысле» и вере, что создавать надо, прежде чем потреблять-транжирить.

И ныне очухиваться начинаем от очумения: ба! Куда занесло?.. И пришла пора и стране, и каждому человечку – выверить курс. Его же – не по временке текучести, но по фундаментальным ориентирам и по вечным ценностям определять можно. А в нашей культуре и в мысли уже Серьез в дефиците оказался – серьезное отношение к жизни и к себе. Ибо заигрались! – так это в атмосфере душевно-духовной чувствуется. И если в первой части «Пролога Ведущего» я акцентировал игру ума и

чувство юмора и выступал как **пророк карнавала в мышлении**, чем был «новатор» и провозвестник «нового мышления», - **то теперь упор делаю на том, что всегда-то я во взыскании Абсолюта и Истины жил, мыслил и писал, и такая установка отличалась, отпечаталась в моих текстах. Они не на потребу дня создавались, не на «злбодневность», а, по крайней мере, на ДОБРО-ГОДНОСТЬ рассчитаны»** [Там же: 25–26].

В этом фрагменте, прежде всего, нас будет интересовать мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности Георгия Гачева. Ведь при жизни этого ученого некоторые коллеги из научного сообщества воспринимали его как эдакого «чудака и чудика», «не от мира сего», витающего где-то в своих «жизнемыслях». Но вот перед нами человек, остро чувствующий время и все, что происходит вокруг, трезво оценивающий ситуацию в стране и в науке, имеющий свою гражданскую позицию, и при этом ясно понимающий, что ему лично должно делать в этом мире, каким образом следует «отмежеваться» от постмодернистской «все-игры» и «похохатывания» над самыми серьезными вопросами Бытия.

Конечно, и в этом случае «смещения интереса» с формы на содержание текстов Георгия Гачева невозможно не указать на выразительность и яркость его текста. В нем – та же позиция «наивного» философа, который чувствует себя рядовым тружеником, **«муравьем-работягой»**. В тексте много разговорной лексики и разговорных конструкций (**в моде и охоте стали..; где тут задуматься о смысле жизни; в похихатывании, поют и пляшут наши стрекозы и стрекозлы; безудержно карнавалят; ныне очухиваться начинаем от очумения: ба! Куда занесло! заигрались**). И, напротив, противопоставляя себя современным «карнавальщикам», Ведущий Пролога использует возвышенную лексику (**всегда-то я во взыскании Абсолюта и Истины жил. Мыслил и писал; Они (тексты) не на потребу дня создавались, не на «злбодневность», а, по крайней мере, на ДОБРО-ГОДНОСТЬ рассчитаны**) [Там же: 25–26].

«ДОБРО-ГОДНОСТЬ» – это еще один «гачевский» неологизм.

Итак, мы совершили «первое погружение» в творческий мир научной прозы Георгия Гачева и, надеюсь, что в том, что нам удалось найти уже во Вступлении и Прологе Ведущего к одной из его книг, достаточно доказательств богатства идиолекта и идиостиля ученого.

Однако во Введении к статье я говорила о нашем общем объекте исследования – повседневности – и о том, что книга Георгия Гачева «Философия быта как Бытия» представляет для меня особый интерес в этом аспекте. Продолжим же реконструкцию творческой языковой личности ученого-гуманитария, обратившись к основным разделам этого научно-художественного произведения.

Прежде всего, возьмем несколько сюжетов из дневников «Десять и одно утро – в Мышлении с Воображением (Исповесь о творчестве)», (Пролог Ведущего к этой части творчества Георгия Гачева мы уже представили). Теперь «Утро первое» – начало работы ученого по его методу Мышления с Воображением. Подзаголовок у этого дневника – Исповесь – неологизм Гачева, который он сам толкует так: **««исповесь» – это «исповесь» плюс «повесь» - мой жанр, в котором давно живу-мыслию-пишу»** [Гачев 2019: 28]. В одном коротком предложении – и определение своего жанра с помощью такого емкого неологизма, составленного из двух слов, и метода научного анализа – соединение традиционного для научной работы Мышления (заметьте: с большой буквы!) и Воображения, опять же очень ясно и четко (никакого «диффузного

представления» понятий и никаких «пушистых множеств» (См.: [СЭС 2006]): «...это диалог Мышления с Воображением, их спор, матч, прятки. При этом я стремился не только теоретически разьяснять особенности мышления и воображения, но и прямо, на примере своего рассуждения, явить «механизм» их совместной работы в творчестве и познании» [Гачев 2019: 28].

И еще дальше очень важное – о соотношении образа и мышления в науке:

«... с позиции чистого мышления образы – дело грязное и обманчивое: на них держи ухо ума остро!»

Философия добывала строгость свою в отталкивании от образа – к мысли, развивалась от мифа – к логосу.

<...> Наука... О, сложные у нее отношения с образом: и хочется, и колется – так можно выразить их грубовато-просто. С одной стороны, наука опирается на данные чувственного опыта, то есть на восприятия-образы, что ей предоставляют чувства и приборы (которые суть наши усиленные чувства: микроскоп и телескоп – это сверх-очи). С другой стороны, она и любит и ненавидит это свое рабство и зависимость от крохоборства эмпирии – и мечтает о теоретизации и математизации своих категорий и аппарата выкладок: абстрагироваться хочет от образов... Сама же наука затем строит «модели», которые суть не что иное, как искусственные образы: «поле» (электромагнитное), «волна», «кристаллическая решетка» – все это модели-образы науки, которыми она делает понятными свои представления о строении вещества и проч.» [Гачев 2019: 32–33].

Все научные поиски Георгия Дмитриевича Гачева – подтверждение этих наблюдений. Само представление образов, с одной стороны, по-научному точно, а с другой – также образно, метафорично. И в этом фрагменте выразительность и своеобразие языка (идиостиль) подчинены развитию важной мысли о методологии гуманитарной науки.

На подступах к теме, в «Утро первое», как бы вскользь, Георгий Дмитриевич формулирует свои ценностные приоритеты – «простой традиционный вывод», к которому он пришел: *«других не трожь, а себя – береги, пожалуйста: изменяйся, улучшайся, совершенствуйся, определяйся спереди из будущего, каким ты можешь стать; а уж мир познавай как он есть, из причин-начал его и по истине-естине объясняя: не мною он создан, так что самоуправство в нем есть глупость и зло, тогда как самоуправлять собой: быть господином самому себе, своим страстям и помышлениям – о, это и благо и достойная задача человеку! <...> Дух в себе развить и личность – этому я самоначalen и открыт в бесконечность...»* [Гачев 2019: 29].

Это такое «гачевское» прочтение евангельских заповедей, его собственное осмысление Добра (блага) и Зла, пропущенное через себя и «одетое в словесные одежды» гачевского идиостиля. В этом фрагменте, посвященном сложным вопросам Бытия, Георгий Дмитриевич использует весь арсенал средств высокого стиля – от словаря (*зло, благо, истина-естина, дух, личность, бесконечность*) до синтаксиса и торжественной стилистической интонации восклицательности.

А теперь «вернемся на землю» и обратимся к одному из базовых концептов повседневности – ДОМ. Для меня это особенно интересно, так как и я в своем исследовании тоже анализировала этот концепт, но по-другому: на базе ассоциативных полей. Вот для сравнения я и хочу здесь представить параллельно – два видения этого объекта: рядовым носителем русской лингвокультуры и творческой языковой личностью ученого-гуманитария.

Сначала рассмотрим ассоциативное поле в прямом (от стимула – к реакциям) слове ЕВРАС [ЕВРАС 2014]:

ДОМ: родной 61; семья 43; уют 25; большой, крепость, мой 20; очаг 18; тепло 17; квартира 12; мама 9; крыша 8; здание, родители, спокойствие, теплый 7; красивый, милый, старый, уютный 6; деревня, жилье, кирпичный, Родина 5; защита, любовь, надежность, отдых, радость, родное, свой, спать, белый, в лесу, дача, камин, который построил Джек; милый дом, на даче, отчий убежище, хорошо 2; детство, забота, ковер, кошка, любви, книги, комната, коттедж, любимый, мама, пирожки, место жительства, милосердие, моего отца 1; **537+179+1+126**¹.

При просмотре только одного приведенного здесь ассоциативного поля слова-стимула ДОМ можно составить представление о том, как воспринимается и оценивается это понятие и как оно отражается в языковом сознании обычного, рядового русского человека. Мы видим, что это безусловно важное и положительно оцениваемое явление, и самыми частотными реакциями испытуемых/респондентов являются лексемы: *родной, семья, уют, крепость, защита, любовь, тепло, радость, спокойствие*. Однако в этих реакциях не заключено никаких философских понятий и смыслов.

А вот пассаж Георгия Гачева о **ДОМЕ**. Он назван им так: «**ДОМ – ЗАЧЕМ И ЧТО ЗНАЧИТ?**»:

«Меж двух паскалевых бездн: бесконечно большого (Вселенная, Галактики, миры) и бесконечно малого: атомы, частицы – человек заброшен. Что он тут такое? Песчинка, былинка. Каково его самочувствие в этом безразличном холоде? Одиночество, бессмыслица существования, никчемность, неприкаянность.

Так вот: Дом – это прикаянность. Между полюсами: материнское любящее лоно, где ты вынашивался, - и Вселенной, Хаосом-Космосом ее Апейрона (Беспредельного) – Человек выстраивает Дом. Он – как искусственное тварное лоно материнское, где Жизнь и Любовь – микрокосмос, малая Вселенная, где мы селимся, поселяне, наше село. Дом – по образу и подобию Космоса: по этому макро- - наше микро. Крыша=небо, Отец, мужское, пол=Земля, Мать, женское, стены=страны света...

В Доме Жизнь и Любовь – вращиваются, их обитель. Если в обеих безднах ты, человек, никчем, бессмыслица, то в пространстве Дома-семьи – все осмысленно: каждый мир, шар и утварь. Дом – микроТворение. Ты в нем – как Бог: творишь мир по своему образу и подобию» [Гачев 2019: 512].

Как видим, у Г.Д. Гачева всего полстраницы текста, но при этом какая «наполненность» смыслами и образами! Тут и космическая «картина мира», нарисованная художником крупными мазками: Вселенная, Хаос-Космос, Апейрон Беспредельный; и микромир, невидимый невооруженным человеческим глазом. И затерявшийся между этими двумя полюсами *неприкаянный человек*. Неприкаянный до тех пор, пока он не построил *Дом – «по образу и подобию Космоса»*, но и «*как искусственное, тварное лоно материнское, где Жизнь и любовь – микрокосмос, малая Вселенная*»...

И такое вот генерализованное высказывание в ответ на заголовок раздела: «*Дом – это прикаянность*». А все вместе – важнейшие ценностные маркеры-представления о доме-семье. Возможно, это тоже «пушистые множества»? Но как же точно и красиво! И какая палитра ассоциативных рядов, особенно на фоне словарного ассоциативно-

¹ Цифры обозначают: общее количество респондентов; разных ответов; отказов; одинаковых ответов.

го поля на стимул ДОМ, выстроенного на материалах ассоциативного эксперимента, участниками которого были рядовые носители русской лингвокультуры – студенты университета.

Что касается языковых особенностей – вербально-семантического уровня языковой личности – то, помимо многочисленных и емких метафор, на которые мы уже обращали внимание в других текстовых фрагментах и которые читатель статьи легко найдет самостоятельно, хочется еще остановиться на абсолютно «идиостилевых» знаках препинания – двоеточии и тире. Впрочем, и об этом сам Георгий Гачев пишет в специальном разделе, который так и называется «ДВОЕТОЧИЕ И ТИРЕ». И едва ли мне удастся прокомментировать эту особенность гачевского синтаксиса лучше, чем делает он это сам, обнаруживая удивительное языковое чутье:

«Тире – знак воли, империалистический переброс-мост с наскока между тем, что еще не спаяно логически, но уже связуется, прибирается к рукам и в орбиту. Двоеточие – знак указующий на налично существующую связь, которую я раскуриваю и являю, а не как тире, которое эту связь навязывает <...>

Двоеточие – знак спокойный, разума, сознания. И когда в одной фразе несколько двоеточий – это несколько оболочек снимается, одна вещь внутри другой (как матрешки в матрешках)...

Двоеточие - сигнал перескока с орбиты (как электрона) на орбиту – но не во вне, а внутрь, все глубже в клубок ядра погружаясь. Тире – сигнал перескока с орбиты на орбиту же, но – во вне, расширяясь в натиске и агрессии, концентрически новые уровни и миры радиально связуя» [Там же: 473–474].

И опять: с точки зрения строгой нормы – неправильность, девиантность. Но ведь смысл – сначала, а форма – потом, для оформления, смысла, его акцентуации (Вот и я, кажется, лишних тире наставила!).

Заключение

Ограниченные рамки журнальной статьи не позволяют исчерпывающе представить творческую языковую личность ученого-гуманитария Георгия Гачева. Но мне хотелось бы просто привлечь внимание научного сообщества гуманитариев к этой, как мне кажется, острой для всех нас проблеме – проблеме экспертной оценки наших исследовательских работ и посвященных им текстов, в которых с неизбежностью гуманитарное познание, как уже отмечалось в начале статьи со ссылкой на монографию В.Г. Чернявской, «синтезирует в себе рационально-познавательный дискурсивный, логически понятный и непосредственно-личный (иррациональный, художественно-интуитивный) типы познания. <...> Гуманитарий объединяет в себе ученого и художника» (курсив мой – Н.Ч.) [Чернявская 2014: 39–42].

Предвижу, что не все мои коллеги проявят «солидарность» с теми положениями, которые высказаны в этой статье, как и далеко не все в свое время оценили по достоинству научное творчество Георгия Дмитриевича Гачева. Но почему-то мне кажется, что моему Учителю – Юрию Николаевичу Караулову – подобные размышления были бы близки. И, как подтверждение этой надежды, в заключение мне хотелось бы привести именно его слова о другой творческой языковой личности (разумеется, без сравнения масштабности!) – о Ф.М. Достоевском, работу над словарем языка которого Юрий Николаевич возглавлял в последние годы жизни:

«Читая Словарь Достоевского, человек XXI века, воспитанный на современных - зачастую нормативно подсушенных, редакторски причесанных, информативно одно-однозначных - текстах, поражается прежде всего богатством, разнообразием и выразительной силой языка писателя, его великолепной, завораживающей читателя «неправильностью», его «разговорностью», граничащей временами с косноязычием, его информативной неисчерпаемостью и многозначностью. Однако на деле, как показывает лексикографический анализ, эта неправильность и неоднозначность оборачиваются высочайшей изобразительной точностью и тонкостью в передаче тех интеллектуальных, эмоциональных, психологических, нравственных глубин русского национального характера, русского национального духа...» [Словарь языка Достоевского... 2001: IX].

Литература

Гачев Г.Д. Плюсы и минусы наивного философствования // Сб. «Философия наивности» / Сост. А.С. Мигунов. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 29–35.

Гачев Г.Д. Философия быта как бытия. М.: Фонд «Мир», 2019. 712 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 363 с.

Милчаков Яни. Неспokoйный мыслитель // Сб. статей «Болгария и Россия: Взаимопознания» / Отв. редакторы: Г.Д. Гачев, Р. Дамянова. М., 2010. С. 446–447.

Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова / Гл. редактор чл. корр. РАН Ю.Н. Караулов М.: Азбуковик, 2001. 442 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожин. М.: «Флинта», 2006. 696 с.

Федякин С. В поле напряжения между жизнью и мыслью (Творческий портрет Георгия Гачева) // Литературный журнал, 2010, № 24. С. 11–25.

Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. ЕВРАС. Т. 1. От стимула к реакции. М., 2014. 280 с.

Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное: лингвистический и социокультурный анализ. М.: URSS, 2014. 238 с.

CREATIVE LANGUAGE PERSONALITY OF THE SCIENTIST-HUMANITARIAN GEORGI GECHEV

Nina L. Chulkina

Doctor of Philology, Professor

Department of General and Russian Linguistics, Philology Faculty,

Peoples' Friendship University of Russia

10-2 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 119498

nina.chulkina@yandex.ru

The article is devoted to the reconstruction of the creative language personality of the outstanding Russian philosopher, literary critic, and cultural critic Georgy Dmitrievich Gachev. The concepts of idiolect and idiostyle serve as reference concepts in the study and description of the creative 'laboratory' of a humanist scientist.

The material expression of these categories is presented at all levels of the structure of the language personality of George Gachev: verbal-semantic, linguistic-cognitive, and motivational-pragmatic. Special attention is paid to the methodology of humanitarian research of the author of 'Philosophy of life as Being' – the philosophy of 'naivety', 'attracted thinking', 'dialogue of Imagination with Thinking'.

The study of the idiolect and idiostyle of the creative language personality of Georgy Gachev allowed us to reveal the 'mechanisms' of creativity of the scientist-artist of the word, as well as the aesthetic potential of the Russian language system, which opens up unlimited opportunities for creating scientific texts deep in meaning and non-trivial in form, a letter often qualified by the scientific community as deviant, violating strict stylistic norms of scientific style.

The author of the article offers a detailed analysis of the texts of George Gachev which is intended to refute such statements of his opponents.

Keywords: language personality, idiolect, idiostyle, norm, deviation, 'attracted thinking', 'dialogue of Imagination with Thinking', 'naive' philosophy

References

Gachev G.D. Pljusy i minusy naivnogo filosofstvovaniya [Pros and cons of naive philosophizing] // Sb. «Filosofija naivnosti» [Collection of works 'Philosophy of Naivety'] / Sost. A.S. Migunov. M.: Izd-vo MGU, 2001. P. 29–35. (In Russian).

Gachev G.D. Filosofija byta kak bytija [Philosophy of everyday life as being]. M.: Fond «Mir», 2019. 712 p. (In Russian).

Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and linguistic personality]. M.: Nauka, 1987. 363 p. (In Russian).

Milchakov Jani. Nespokojnyj myslitel' [Restless Thinker] // Sb.statej «Bolgarija i Rossija: Vzaimopoznaniya» [Collected Articles 'Bulgaria and Russia: Mutual Knowledge'] / Otv. redaktory: G.D. Gachev, R. Damjanova. M., 2010. P. 446–447. (In Russian).

Slovar' jazyka Dostoevskogo. Leksicheskij stroj idiolekta. [Dictionary of the Dostoevsky language. The lexical structure of the idiolect.]. Vyp. 1 / RAN, Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova / Gl.redaktor chl. korr. RAN Ju.N. Karaulov M.: Azbukovik, 2001. 442 p. (In Russian).

Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language] / Pod red. M.N. Kozhinoj. M.: «Flinta», 2006. 696 p. (In Russian).

Fedjakin S. V pole naprjazhenija mezhdzhu zhizn'ju i mysl'ju (Tvorcheskij portret Georgija Gacheva) [In the field of tension between life and thought (Creative portrait of Georgy Gachev)] // Literaturnyj zhurnal [Literary magazine], 2010, № 24. P. 11–25. (In Russian).

Cherkasova G.A., Ufimceva N.V. Russkij regional'nyj asociativnyj slovar'-tezaurus [Russian regional associative dictionary-thesaurus]. EVRAS. T. 1. Ot stimula k reakcii [From stimulus to reaction]. M., 2014. 280 p. (In Russian).

Chernjavskaja V.E. Kommunikacija v nauke: normativnoe i deviantnoe: lingvisticheskij i sociokul'turnyj analiz [Communication in Science: Normative and Deviant: Linguistic and Sociocultural Analysis]. M.: URSS, 2014. 238 p. (In Russian).